

А. Д. Пантелеев

(Санкт-Петербургский государственный университет)

МУЧЕНИЧЕСТВО СВЯТОГО МАРИНА (Eus. HE, VII, 15)

Статья посвящена анализу рассказа о казни легионера Марина, сохраненного Евсевием Кесарийским в «Церковной истории» (HE, VII, 15). В статье кратко рассматривается история христианства в Кесарии Палестинской и анализируется текст Евсевия. Марин – первый воин-христианин, известный нам по имени. Скорее всего, это мученичество произошло в конце совместного правления Валериана и Галлиена или начале правления Галлиена. Восточная часть Империи в тот период контролировалась узурпатором Макрианом, и «мир Галлиена» мог не распространяться на эту территорию. С казнью Марина предание связывает мученичество сенатора Астерия. Эта традиция начинается с латинского перевода «Церковной истории» Руфином, но оригинальный текст Евсевия не дает для этого никаких оснований.

Ключевые слова: раннее христианство, Римская империя, агиография, мученики, Евсевий Кесарийский, Марин.

A. D. Panteleev

(St. Petersburg State University)

The Martyrdom of St. Marinus (Eus. HE, VII, 15)

The article examines the story about the legionary Marinus' execution, preserved by Eusebius of Caesarea in his «Church History» (HE, VII, 15). The article briefly explores the history of Christianity in Caesarea Palaestinae and analyzes the text of Eusebius. Eusebius heard the story about Marinus either from bishop Theotecnus, a personage of this narration, or from the inhabitants of Caesarea. Marinus is the first Christian warrior whom we know by name. We can say nothing about the exact date and circumstances of these events: the martyrdom most likely occurred at the end of the joint rule of Valerian and Gallienus or in the beginning of Gallienus' sole rule. The Eastern part of the Empire at that time was controlled by the usurper Macrianus, who hated Christians, and the «peace of Gallienus» probably did not extend to this territory. Unlike many other martyrdoms, in this case an obvious denunciation by a competing colleague, who accused Marinus of being unable to sacrifice to the emperors, caused the condemnation of a Christian. Marinus himself obviously did not see in that any problem, as it was not seen by the other Christian centurions either (for example, Marcellus, who lived in the time of Diocletian). Marinus was beheaded without turning his execution into a spectacle. The legend relates the execution of Marinus with the martyrdom of the senator Asterius. This tradition begins with the Latin translation of the «Church History» by Rufinus, however Eusebius' original text does not give any grounds for this.

Keywords: Early Christianity, Roman Empire, Hagiography, Martyrs, Eusebius of Caesarea, Marinus.

В VII книге «Церковной истории» Евсевий Кесарийский приводит рассказ о кончине легионера Марина (VII, 15). Он пострадал в Кесарии Палестинской в 260-х гг., точнее время его казни определить затруднительно. Приведем наш перевод этого небольшого отрывка:

(VII, 1). Во время этих (епископов. – *А. П.*)¹, когда для церквей повсюду настал мир, в Кесарии Палестинской Марин, муж, награжденный званиями в войске и известный родовитостью и богатством, за свидетельство о Христе был обезглавлен вот по какой причине. 2. У римлян является наградой виноградная лоза², и говорят, получившие ее становятся центурионами³. Тогда освободилось место, и это звание по порядку продвижения присвоили Марину. И он был уже готов принять этот чин, когда другой, придя на трибунал, донес, что по старым законам Марину нельзя получить эту римскую почесть, так как он христианин и не приносит жертвы императорам, а пост следует отдать ему. 3. Встревоженный этим судья – его звали Ахей⁴ – прежде всего спросил, каковы убеждения Марина, и когда увидел, что тот стойко исповедует себя христианином, дал три часа ему на размышление. 4. Когда он вышел из здания суда, Феотекн, бывший там епископом⁵, подойдя, увлек его беседой и, взяв за руку, привел в церковь. Там он поставил его рядом с собой перед алтарем, немного откинул его плащ и, показав на его пристегнутый меч, в то же самое время с другой стороны протянул ему книгу божественных евангелий, приказав ему выбрать по своему усмотрению одно из двух. Когда же он без промедления, протянув правую руку, взял божественное писание, Феотекн сказал ему: «Итак, держись, держись Бога, и укрепляемый Им, достигнешь выбранного⁶. И иди с миром⁷».

¹ Имеются в виду только что упомянутые Евсевием Ксисст Римский (папа Сикст II), Деметриан Антиохийский, Фирмилиан Каппадокийский и другие предстоятели церквей (Eus. HE, VII, 14).

² Посох из виноградной лозы (лат. *vitis*) был знаком центурионского звания. Он мог использоваться как трость и как орудие наказания солдат (Plin. NH, XIV, 19; Tac. Ann., I, 23).

³ В христианской литературе, начиная с Мк. 15:39, часто использовалась транслитерация κεντυρίων, но Евсевий предпочел ἐκατοντάρχος, стандартное обозначение должности центуриона в древнегреческом.

⁴ Из других источников о нем ничего не известно. Возможно, он был легатом Сирии и Палестины ок. 260/1 г. (*Musurillo* 1972: 241).

⁵ Феотекн (III в.) – епископ Кесарии Палестинской, ученик Оригена (Eus. HE, VII, 14). Принимал участие в Антиохийском соборе 264 г., на котором было осуждено учение Павла Самосатского (Eus. HE, VII, 28).

⁶ Ср.: Кол. 1:11.

5. Как только он оттуда вернулся, начал кричать глашатай, зовя его на суд, так как уже закончилось назначенное время. И представ перед судьей, обнаружил еще большее рвение к вере; тотчас же, как был, его отвели на смерть и казнили.

Рассмотрим содержание этого рассказа и его судьбу в пост-евсевиевской традиции. История христианства в Кесарии начинается в апостольские времена. Здесь Петр крестил центуриона Корнелия и его домашних (Деян. 10), сюда неоднократно возвращался Павел (Деян. 9:30; 18:22; 21:8), в Кесарии он два года находился под стражей до отправления в Рим (Деян. 24:27). В этом городе жил Филипп, один из семи диаконов Иерусалимской церкви (Деян. 8:40; 21:8). Первым епископом Кесарии стал поставленный Петром Закхей мытарь, который принимал в своем доме Христа (Лк. 19:1–10); об этом сообщают «Апостольские постановления» (VII, 46, 3) и «Псевдо-Клементины» (Ps.-Clem. Hom., III, 63–72; Recogn., III, 66). Ему наследовали центурион Корнелий, Феофил и другой Закхей. Но Евсевий, сам живший в Кесарии с детства, об этих епископах ничего не говорит; этот список мог быть создан поздними авторами для того, чтобы сконструировать непрерывное апостольское преемство (Downey 1975: 25). Первый кесарийский епископ, которого называет Евсевий – Феофил, занявший престол ок. 189 г. Начиная с III в., объем наших знаний о кесарийской церкви увеличивается; это связано с деятельностью Оригена и вниманием, которое ему уделял Евсевий. В 234 г. происходит переезд Оригена в Кесарию, и с его появлением город становится одним из ведущих интеллектуальных центров христианского мира.

Епископ Феоктист, занимавший престол с 217 г., избежал казни во время гонения Деция, так как его имя упоминает Дионисий Александрийский в послании по поводу раскола Новата (Eus. HE, VII, 5); он скончался в 258 г., видимо, незадолго до начала гонения Валериана (Downey 1975: 27). Ему наследовал Домн, вскоре умерший (ок. 260 г.; VII, 14). Преследования Валериана не привели к большим жертвам в Кесарии: Евсевий сообщает нам только о трех сельских жителях, Приске, Малхе и Александре, которые, устремившись к нетленному венцу, вместе отправились в город, предстали перед судьей и были брошены зверям, кроме того, тогда же была казнена и некая женщина-маркионитка (VII, 12) (Panteleev 2014: 164–167).

---

⁷ Ср.: Деян. 16:36.

Домна сменил Феотекн, ученик Оригена с которым Евсевий был знаком лично; он занимал престол приблизительно до 303 г. (VII, 14). В 260 г. Галлиен выпустил эдикт о прекращении гонений, но в первый период его правления Восток контролировал узурпатор Макриан (260–261 гг.), враг христиан, и похоже, к этому времени и относится казнь Марина.

Скорее всего, историю Марина Евсевий услышал либо от самого Феотекна, либо от жителей Кесарии (Grant 1980: 212). Она не опирается на судебный протокол, как считал А. Гарнак (Harnack 1893: 810), и содержит такие детали, которые вряд ли кто-то мог сообщить, кроме самого епископа. Более того, Дж. Корке-Вебстер обращает внимание на то, что центральной фигурой повествования оказывается не солдат, а именно епископ: он беседует с Марином, приводит его в церковь и заставляет сделать выбор. Мы слышим только слова епископа, а не воина (Corke-Webster 2019: 176). Вряд ли этот рассказ входил в сборник древних мученичеств, неоднократно упоминаемый Евсевием (Eus. HE, IV, 15, 47; V, praef., 2; V, 4, 3; V, 21, 4) – после пятой книги «Церковной истории» он об этом собрании не вспоминает (Grant 1980: 116–117; Carriker 2003: 250–255; *contra*: Musurillo 1972: lv). Из современных ученых никто не ставит под сомнение описываемые события, однако это не означает, что в этой истории все ясно.

Обратимся к анализу этого текста. Марин – первый солдат-христианин, о котором нам известно что-то определенное, с него начинается большая группа воинов-мучеников, среди которых рекрут Максимилиан, центурион Марцелл, воин Дасий, ветераны Типасий и Юлий и другие. Часто причиной казни этих легионеров оказывается не исповедание своей веры, а нарушение воинской дисциплины – невыполнение приказа старшего офицера.

Прежде всего, перед нами встает проблема прояснения обстоятельств и датировки этих событий. Евсевий вспоминает о Марине в контексте рассказа об эдикте Галлиена, прекратившем преследование христиан (Eus. HE, VII, 13–14). Сложно не заметить диссонанс между утверждением о том, что «для церквей повсюду настал мир» (VII, 15, 1), и рассказом о казни мученика. Учеными, которые пытались как-то сгладить или объяснить это противоречие, было высказано несколько гипотез. Сторонники первой версии утверждают, что несмотря на все привилегии эдикта Галлиена, христиан продолжали казнить за их веру (Bolotov 1994: 137; Friend 1965: 429, 442).

Вторая версия сводится к тому, что мученичество произошло при Галлиене, но речь здесь идет не о преследовании христиан, а о соблюдении воинской дисциплины: Марин был казнен из-за того, что не выполнил приказ вышестоящего офицера (Grégoire 1964: 137–138; Friend 1965: 468 n. 7). Третья группа ученых напоминает, что в это время Галлиен не контролировал восточную часть империи: после того, как Валериан попал в плен к персам, Макриан, отвечавший за финансы и снабжение армии, поднял восстание против Галлиена и провозгласил императорами своих сыновей. В 261 г. он переправился с войском в Европу, где после поражения в Иллирии был убит собственными солдатами. Макриан изображается Евсевием как враг христиан и едва ли не глава египетских магов, именно он стал инициатором гонений Валериана и причиной его гибели (Eus. HE, VII, 10). Казнь Марина произошла в то время, когда Кесария находилась под властью Макриана, поэтому эдикт Галлиена не имеет отношения к описываемым событиям (Görres 1887: 620; Musurillo 1972: xxxvi). Наконец, в-четвертых, можно предположить, что Евсевий здесь не очень аккуратен в хронологии. Из-за своей невнимательности он перенес на несколько лет вперед мученичество, случившееся еще при Валериане: на это указывают слова «приносит жертвы императорам» (2), под этими «императорами» имеются в виду Валериан и Галлиен, а события относятся к 253–257 гг. (Alföldi 1967: 307; Grant 1980: 121; Barnes 2010: 106–107) Против этой гипотезы выступил Д. Сэйдж, который указал, во-первых, на отсутствие упоминаний о систематических гонениях и каких-то пытках, а во-вторых, на легкость, с которой епископ Феотекн появляется у суда и перемещается по городу: во время гонений Валериана, направленных в первую очередь на священнослужителей, это было бы невероятно (Sage 1983: 154).

Подводя итог этой дискуссии, П. Керецтес замечает, что здесь мы имеем дело с типичной для Евсевия неопределенностью (Keresztes 1979: 379). К сожалению, он не приводит ни даты мученичества Марина, ни точного времени епископства Феотекна, действующего лица этой истории, а о «судьбе Ахее» мы знаем только из этого рассказа. Так что вполне возможно, и то, что мученичество Марина приходится на совместное правление Валериана и Галлиена, и то, что оно произошло в то время, когда император не контролировал Восток. Нам, со своей стороны, остается, во-первых, только присоединиться к этим словам, а во-вторых, обратить внимание на место повест-

вования о Марине в «Истории» Евсевия, точнее на ее связь с рассказом об Оригене. Критики упрекали его в избегании мученичества и в том, что он уделял большее внимание умозрительному благочестию в ущерб практическому, и Евсевий из всех сил старался опровергнуть эти обвинения. Он «подтягивает» к Оригену все случаи мученичества, которые можно хоть как-то с ним связать. В случае Марина эта связь осуществляется при помощи фигуры Феотекна: история мученика рассказана через несколько строк после того, как Евсевий указал на то, что Феотекн был учеником Оригена.

Евсевий описывает Марина как «мужа, награжденного званием в войске и известного родовитостью и богатством» (1). Скорее всего, Марин служил в X *Fretensis* легионе, в то время располагавшемся в Палестине. Д. Хельгеленд замечает, что так как Марин претендовал на звание центуриона, он происходил не из всаднического сословия: с этой должности всадники начинали и продолжали карьеру в более высоких чинах. Евсевий льстит мученику, но положение Марина в войске не соответствует утверждению древнего историка (Helgeland 1979: 774). Но заметим, что происхождение и богатство воина могли быть незначительными для легата легиона, однако внушать уважение сослуживцам и единоверцам. То, что Марина собирались повысить, свидетельствует о том, что он был хорошим воином, ставшим *optio ad spem* (кандидатом в центурионы). Скорее всего, он был принципалом (*principalis*), старшим солдатом, которого можно сопоставить с современным сержантом. Что касается наград, то Марин мог отличиться или в боевых действиях против персов, или против других врагов – отдельные подразделения легиона могли временно передаваться другим частям.

Нам неизвестно, когда Марин крестился, скорее всего, это произошло, когда он уже был солдатом. Нужно сказать, что отношение христиан к воинской службе было не простым. Шестнадцатая глава «Апостольского предания» однозначно запрещает уже крещеным становиться воинами, а верующие, ставшие офицерами, «у кого есть власть казнить», должны быть изгнаны из общины; центурионы к этой категории не относились (Panteleev 2012: 337–340). Так как Марин сам не сообщил о своей вере, то он явно собирался продолжать службу. То, что он был христианином, по крайней мере, для командования легиона было тайной. М. Сэйдж утверждает, что это не должно вызывать удивление из-за гибкости римской военной практики, варьировавшейся в зависимости от самых разных факторов, и

отсутствия соответствующей документации (Sage 1983: 153). Если бы не выступление доносчика, то Марин получил бы искомую должность и продолжил бы свой карьерный рост.

В отличие от многих других мученичеств, здесь причиной осуждения христианина оказывается явный донос соперника-сослуживца, выступившего с обвинением Марина в нарушении «старых законов» (2). В. Френд указывает на то, что после назначения центурионом Марину пришлось бы принимать участие в различных религиозных мероприятиях, в том числе связанных с императорским культам, что было бы невозможно для него (Frend 1965: 468 n. 7). Скорее всего, доносчик особенно подчеркнул именно это обстоятельство, но Марин явно не видел в этом для себя проблемы, как не видел ее и другой мученик-воин – центурион Марцелл, казненный при Диоклетиане (Acta Marc., 1). Спрошенный судьей, Марин не стал отрицать, что он христианин, но получил три часа на раздумье. Такого рода отсрочки давались мученикам и раньше, так, проконсул Сатурнин предложил 30 дней на раздумье скилитанским мученикам (Mart. Scil., 13), а префект Перенний дал день, на практике превратившийся в три, Аполлонию (Mart. Apoll., 10). Иногда эти раздумья приводили к отступничеству. Со времени гонения Деция эта практика «двойных допросов» и предоставления времени, чтобы обвиняемый одумался, приобретает особое распространение: мы встречаемся с этим в «Мученичестве Мариана и Иакова» (4, 5, 9), «Мученичестве Монтана и Луция» (6, 12), об этом сообщает и Киприан в своих письмах (Ер., 37, 3, 1 et al.). Сложно сказать, чем кончилось бы дело, если бы не вмешательство Феотекна, окончательно укрепившего несостоявшегося центуриона в желании пострадать за имя Христово. Марину отсекли голову, не превращая его казнь в особое зрелище.

С казнью Марина предание связывает мученичество сенатора Астерия. Имя Ἀστύριος, приведенное Евсевием, превратилось в *Astyrius* в латинском переводе «Церковной истории», выполненном Руфином, в латинских мартирологах последующего времени мы встречаем *Asterius*, которое и приобрело наибольшее распространение, а в Константинопольском синаксари – Ἀστέριος. Скорее всего, изначально его имя на латыни звучало как *Astur*. Возможно, Астерий, упоминаемый Евсевием, является Марком Бассеем Астуром, сыном Бассея Астура, наместника Аравии (PIR², В 66–67). Евсевий рассказывает о нем сразу после истории Марина, однако, не связывая этих персонажей. В

латинском переводе евсеиевой «Церковной истории» Руфина эта история звучит по-другому, более объединяя единым повествованием Марина и Астерия. Сенатор забрал обезглавленное тело мученика и тут же сам мученически кончил жизнь. Руфин ничего не сообщает ни о виде его казни, ни о погребении. С. Роббе указывает на несколько причин такого вольного обращения переводчика с текстом. Прежде всего, следуя старой римской традиции, начавшейся еще с перевода «Одиссеи» Ливием Андроником, Руфин делает не дословный, а литературный перевод. Затем, он пишет не во время мира, как Евсевий, а в достаточно напряженный период владычества варваров-ариан в Северной Италии, угрожавших не только имуществу и жизни верующих, но и самой ортодоксии. Как говорит сам Руфин, знание прошедшего может позволить нам забыть зло настоящего (Ruf. HE, praef.). Его инновации в изображении Марина и Астерия не только подчеркивают героизм мучеников прошлого, но и предлагают модели поведения в непростом настоящем (Robbe 2013: 260–263). Ряд деталей, несомненно, связан с широким распространением культа святых и почитания реликвий, отсюда указание на «обезглавленное тело» и отсутствие указаний на погребение святых именно в Кесарии.

В поздней традиции легенда о Марине и Астерии продолжала обрастать новыми удивительными подробностями; путаницы добавило и смешение кесарийского сенатора Астерия с римским пресвитером Астерием, который похитил тело папы Каллиста из колодца, куда оно было брошено, и казненного за это (Pass. Callisti, 9). Казнь Каллиста произошла в 222 г., но составление его мученичества датируется концом V в. (Robbe 2013: 263–264; Lapidge 2018: 296). Является ли эта параллель случайной, или здесь мы имеем дело с отзвуком традиции об Астерии Кесарийском, начавшейся с Руфина, – вопрос сложный.

Литература

- Alföldi, A. 1967: *Studien zur Geschichte der Weltkrise des 3. Jahrhunderts n. Chr.* Darmstadt.
- Barnes, T. D. 2010: *Early Christian Hagiography and Roman History.* Tübingen.
- Bolotov, V. V. 1994: *Lektsii po istorii drevney Tserkvi [Lectures on the history of the ancient church]*, 2. Moscow.
- Болотов, В. В. 1994: *Лекции по истории древней церкви.* Т. II. М.
- Carriker, A. 2003: *The Library of Eusebius of Caesarea.* Leiden.
- Corke-Webster, J. 2019: *Eusebius and Empire. Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History.* Cambridge.

- Downey, G. 1975: Caesarea and the Christian Church. In: *Bulletin of the American Schools of Oriental Research. Supplementary Studies 19. The Joint Expedition to Caesarea Maritima. Vol. I. Studies in the History of Caesarea Maritima*, 23–42.
- Frend, W. H. C. 1965: *Martyrdom and Persecution in the Early Church. A Study of Conflict from the Maccabees to Donatus*. Oxford.
- Görres, F. 1877: Die Toleranzedikte des Kaisers Gallienus und ihre staatsrechtliche Geltung unter Aurelian. In: *Jahrbücher für protestantische Theologie* 3, 606–630.
- Grant, R. M. 1980: *Eusebius as Church Historian*. Oxford.
- Grégoire, H. 1964: *Les persécutions dans l'Empire romain*. Bruxelles.
- Harnack, A. 1893: *Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius*, 2. Leipzig.
- Helgeland, J. 1979: Christians and the Roman Army from Marcus Aurelius to Constantine. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 2.23.1. Berlin; New York, 724–834.
- Keresztes, P. 1979: The Imperial Roman Government and the Christian Church II. From Gallienus to the Great Persecution. In: *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt*, 2.23.1. Berlin; New York, 375–386.
- Lapidge, M. 2018: *The Roman Martyrs. Introduction, Translations and Commentary*. Oxford.
- Musurillo, H. 1972: *The Acts of the Christian Martyrs* (ed.). Oxford.
- Panteleev A. D. [Christians and Roman army in the 1st half of the 3d century]. In: *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [Mnemon. Investigations and Publications on the History of the Ancient World] 11, 329–350.
- Пантелеев, А. Д. 2012: Христиане и римская армия в первой половине III в. *Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира* 11, 329–350.
- Panteleev, A. D. 2014: [«Some of the heresies have a great many martyrs»: Martyrdom in the non-orthodox Christianity (2nd–3d centuries)]. In: *Religiya. Tserkov. Obschestvo* [Religion. Church. Society] 3, 156–175.
- Пантелеев, А. Д. 2014: «Есть много мучеников и в других ересях»: мученичество в неортодоксальном христианстве II–III вв. *Религия. Церковь. Общество* 3, 156–175.
- Robbe, S. 2013: I martiri Marino e Asterio di Cesarea: dalla “Historia Ecclesiastica” di Eusebio di Cesarea ai martirologi occidentali attraverso Rufino di Concordia. In: *Sanctorum. Rivista dell'Associazione per lo studio della santità, dei culti e dell'agiografia*, 10, 247–265.
- Sage, M. M. 1983: The Persecution of Valerian and the Peace of Gallienus. In: *Wiener Studien*, 96, 137–159.